

Карл фон Клаузевиц

ПРИНЦИПЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

ХРОНИКИ

ВОЕННЫХ

СРАЖЕНИЙ

Карл фон Клаузевиц

Принципы ведения войны

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=618145

Принципы ведения войны: Центрполиграф; М.; 2009

ISBN 978-5-9524-4349-5

Аннотация

В своей книге автор всесторонне рассматривает природу войны, подчеркивая решающее значение военного гения в исходе сражения. Четко и ясно излагая важность плана войны, взаимосвязь войны и политики, стратегию и тактику ведения войны, включая организацию боя, виды и способы наступления и обороны, Клаузевиц определяет и поясняет термины профессионального военного языка, что придает его книге характер превосходного справочного руководства. Отводя значительную часть книги оценке моральных факторов ведения войны, он подчеркивает необходимость таких качеств, как мужество, отвага и самопожертвование, обращает внимание на важность армейского кодекса чести, боевого духа и общественного мнения.

Содержание

Предисловие	4
Из книги «О ВОЙНЕ»	14
Глава 1	14
Военный гений	14
Опасность и напряжение сил во время войны	28
Информация во время войны	30
Препятствия и помехи на войне	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Карл фон Клаузевиц

Принципы ведения войны

Предисловие

Карл фон Клаузевиц, духовный отец германской армии, долго считался одним из величайших и самых оригинальных авторов, писавших на тему войны. «Только если мы поймем природу войны в духе Клаузевица, мы можем надеяться поддержать наше существование в том случае, если суровая необходимость снова заставит нас взять в руки меч». Это слова, обращенные к германской армии и германскому народу.

Жизнь Клаузевица была жизнью солдата. Она редко была счастливой, никогда не была легкой, а его самая сокровенная мечта, занять влиятельное положение и претворить в жизнь свои идеи относительно теории и ведения войны, так и не осуществилась.

Родившийся в 1780 году в семье прусского офицера, Клаузевиц поступил на военную службу, когда ему было всего двенадцать лет. После участия в войне 1-й коалиции против Франции в 1793–1794 годах он несколько трудных и не богатых событиями лет служил офицером в небольшом гарнизоне города Нойруппин. Этот период он использовал для то-

го, чтобы пополнить свое несовершенное образование, внимательно изучая сочинения короля Фридриха II Прусского, чьим характером и понятиями о долге он восхищался.

В 1801 году он поступил во Всеобщее военное училище (Кригсшуле) в Берлине, готовившее офицеров. Недостаточная подготовка, а также финансовые трудности делали жизнь очень нелегкой и добавили пессимизма к его слишком чувствительному характеру. Через некоторое время, однако, один из преподавателей, великий Шарнхорст¹, признал блестящие способности Клаузевица, подружился с ним и оказал поддержку, в которой тот нуждался. В результате Клаузевиц стал одним из его лучших учеников и в 1803 году по рекомендации Шарнхорста был назначен адъютантом принца Августа Прусского. В этом качестве он сопровождал своего венценосного начальника в кампании 1806 года против Наполеона и попал в плен к французам.

После возвращения в Германию в 1807 году Клаузевиц тесно сотрудничал с Шарнхорстом, чьи идеи относитель-

¹ Шарнхорст Герхард Йоганн Давид (12 ноября 1755 г., Борденау, Ганновер – 28 июня 1813 г., Прага) – прусский генерал (1807) и военный реформатор. С июля 1807 г. начальник Генштаба и председатель комиссии по реорганизации армии, с 1808 г. возглавлял военное министерство. Вместе с генералом А. Гнейзенау провел военную реформу, в результате которой было подготовлено введение воинской повинности (с 1813), улучшена организация армии и подготовка офицеров, сокращен срок службы, создан обученный резерв, усовершенствовано вооружение, реорганизована тыловая служба. Во время освободительной войны с наполеоновской Францией в 1813 г. был начальником штаба Силезской армии генерала Г. Блюхера. (*Примеч. пер.*)

но военной теории и необходимости реформировать прусскую армию он разделял. Шарнхорст оказывал на Клаузевица глубокое влияние, и после смерти великого реформатора в 1813 году Клаузевиц считал себя во многих отношениях интеллектуальным наследником духовного «отца и друга». В 1810 году, по рекомендации Шарнхорста, Клаузевиц поступил преподавателем стратегии и тактики (в чине майора) в Офицерское военное училище. Это училище, основанное в 1810 году, выросло из более ранних офицерских школ и в конечном счете, было преобразовано в знаменитую Военную академию. Именно тогда Клаузевиц крепко подружился с генералом Гнейзенау, который, как и Шарнхорст, был одной из выдающихся фигур прусской армии и начальником штаба маршала Блюхера в кампаниях против Наполеона. Доказательством признания способностей Клаузевица служит его назначение военным наставником прусского кронпринца Фридриха Вильгельма (1795–1861, прусский король Фридрих Вильгельм IV с 1840 г.).

В эти годы произошло феноменальное восхождение Наполеона. Клаузевиц, глубоко восхищаясь Наполеоном как военным, не принимал его как диктатора. Поэтому, когда король Фридрих Вильгельм III в 1812 году заключил с Францией договор, Клаузевиц последовал примеру многих офицеров и ушел со службы в своей стране, впоследствии публично и мужественно защищая свой поступок. По пути в Россию, к новому месту службы в армии царя Александра I, сра-

жавшейся против Наполеона, он составил наставления своему августейшему ученику, назвав их: «Важнейшие принципы ведения войны для завершения моего курса в образовании его королевского высочества кронпринца». Перевод этого труда приводится в этой книге.

В России Клаузевиц стал офицером, которому поручили организацию переговоров с прусским генералом Йорком, заключившим Таурогенскую конвенцию, в результате которой Пруссия снова оказалась в рядах сил, противостоящих Наполеону (до этого в 1812 г. Клаузевиц был квартирмейстером кавалерийского корпуса П. Палена, затем Ф. Уварова, участвовал в сражениях при Островно, Смоленске, Бородине). Клаузевиц принимал участие в освободительных войнах, сначала с русской армией, а потом в чине полковника армии своей страны. Как и его другу Шарнхорсту, ему никогда не доверяли руководства главными военными операциями, так что приходилось довольствоваться штабной работой. В качестве начальника штаба третьего армейского корпуса под командованием генерала Тильмана (Тилемана) он принял участие в битве при Ватерлоо и после заключения мира остался на этой должности до 1818 года.

Принимая во внимание сдержанность и застенчивость Клаузевица, снискавшие ему репутацию холодного и высокомерного человека, неизвестно, стал бы он успешным военачальником. Он был слишком чувствителен, может быть, слишком интеллектуален, в силу чего хорошо осознавал

многочисленность проблемы, чтобы обладать единством цели, которого сам же требовал от военачальника. С другой стороны, безграничная энергия и чувство реальности побуждали его претворять в жизнь свои идеи по военным вопросам. Невозможность сделать это стало причиной его недовольства и неудовлетворенности.

В 1818 году он получил чин генерал-майора и был вызван в Берлин, чтобы возглавить прусское Всеобщее военное училище. Эту должность он оставил только незадолго до смерти. Его обязанности, к сожалению, были ограничены руководством школой и давали мало возможностей для усовершенствования курса обучения в свете его революционных идей в области военного искусства. Лишенный этой возможности, Клаузевиц начал писать, видя в этом единственный способ выразить и развить свои идеи. Именно в этот период он написал обширные работы по военному делу, в том числе и самую знаменитую «О войне» (Vom Kriege).

Когда он еще писал эту книгу, его назначили начальником артиллерийской инспекции в Бреслау, а вскоре начальником штаба армии (с мая 1831 г.) фельдмаршала Гнейзенау, направленной в Позен² к границе с польскими землями Российской империи во время Польского восстания 1830–1831 годов. После подавления восстания в 1831 году он, серьезно заболев холерой, которую подхватил в Позене, 16 нояб-

² Позен – ныне Познань в Польше. (Примеч. пер.)

ря 1831 года умер в Бреслау³, Силезия, «освободившись от жизни, как от тяжелого бремени».

Работы Клаузевица были опубликованы только после его смерти. Он понимал, что они представляют собой «революцию в области военной мысли», и его чувствительная натура боялась непонимания и некомпетентной критики современников. Его вдова, Мария фон Клаузевиц, понимающий друг и соратник в течение двадцати лет, опубликовала десять томов его сочинений между 1831 и 1837 годами.

Первые три из них, названные *Vom Kriege*, содержат суть мыслей Клаузевица «О войне» и составляют, по словам графа фон Шлиффена⁴, «по форме и содержанию величайшую из когда-либо написанных работ о войне». Книга неполная, многие из ее специфических подробностей и иллюстраций устарели из-за невероятного технического прогресса, происшедшего со времени Клаузевица. Тем не менее, поскольку она была задумана не как специфическое руководство в об-

³ Бреслау – ныне Вроцлав в Польше. (*Примеч. ред.*)

⁴ Шлиффен Альфред фон (28 февраля 1833 г., Берлин, – 4 января 1913 г., там же) – германский военный деятель, генерал-фельдмаршал (1911). Окончил Офицерское училище (1853) и Военную академию (1861). В качестве офицера Генштаба участвовал в австро-прусской войне 1866 г. и Франко-прусской войне 1870–1871 гг. С 1884 г. начальник отдела германского Генштаба, в 1891–1905 гг. начальник Генштаба. С 1906 г. в отставке. Один из идеологов германского милитаризма. Теоретически обосновал т. н. стратегию уничтожения, направленную на достижение целей посредством двойного охвата, что в результате приводило к тактическому окружению. Автор германского плана войны (т. н. план Шлиффена, 1905). (*Примеч. пер.*)

ласти ведения военных операций, а скорее как философская оценка войны, она существует вне времени и сегодня имеет такое же значение.

Клаузевиц понимал, что Французская революция и ее наследник, Наполеон, оказали глубокое влияние на характер и методы ведения войны. Война больше не была процессом маневрирования относительно небольших армий с целью прийти к окончательному решению наименее кровавым и дорогостоящим способом отрезания противника от снабжения. Война стала схваткой больших армий, в которой элементы скорости и концентрации превосходящих сил (забытые со времени Фридриха II Великого) снова приобрели решающее значение. «Победа покупается кровью», а полную победу обеспечивает только уничтожение сил противника. Такова по Клаузевицу неограниченная война на уничтожение, его «абсолютная война». «Война есть насилие, доведенное до предела». Более того, этот акт насилия не отделяется от политической жизни нации, это не аномальная ситуация, а лишь осуществление политических целей насильственными методами, «просто продолжение политики иными средствами». Поэтому она должна быть продиктована политическими соображениями, а военное руководство армией должно быть подчинено политическому руководству государства.

Работа Клаузевица, по его собственным словам, является результатом «размышления и наблюдения, философии и опыта». Чтобы подтвердить свои обобщения, он постоянно

ссылается на кампании, многие из которых он изучил досконально, а в некоторых участвовал сам. Но считать Клаузевица лишь интерпретатором достижений других, особенно Наполеона, означало бы недооценивать оригинальность его мысли и гибкость его идей. Он прекрасно понимал, что война изменится, как это не раз происходило в прошлом.

Значительная часть книги Клаузевица «О войне» посвящена оценке моральных факторов ведения войны. Эти разделы, в которых он рассматривает так называемые «моральные аспекты» войны, считаются самыми оригинальными и жизненными. По контрасту с акцентом, который в XVIII веке военная наука и военная теория делали на материальных силах и математических вычислениях, Клаузевиц подчеркивает необходимость таких нематериальных качеств, как мужество, отвага и самопожертвование, отлично сознавая огромную важность армейского кодекса чести, боевого духа и общественного мнения. Исключительные качества характера, глубокая преданность долгу и всестороннее образование являются необходимыми качествами военачальника. Они необходимы для преодоления возникающих сложностей, свойственных каждой войне, и принятия «героических решений, основанных на разуме», что является признаком истинного высшего руководителя.

Желание Клаузевица написать такую книгу о войне, «которая не будет забыта через два или три года», осуществилось. Он написал классический труд, который произвел глу-

бокое впечатление не только на армию его страны, но также на армии других стран. Его идеи впервые претворил в жизнь Хельмут фон Мольтке-старший, начальник штаба прусской армии с 1858 по 1888 год; а успехи прусской армии в войнах 1864, 1866 и 1870–1871 годов считались доказательством правильности идей Клаузевица. Второй последователь Мольтке, граф Шлиффен, также был великим почитателем и учеником Клаузевица. Мольтке, учившийся у Клаузевица в военном училище, признавал, что надо внести некоторые поправки в теорию Клаузевица из-за технического, социального и экономического развития в результате промышленной революции. И Мольтке, и Шлиффен, например, понимали, что решение Клаузевица в пользу сосредоточенной фронтальной атаки теперь невыполнимо из-за оборонительной силы современного оружия, и предложили вместо этого уничтожение противника стратегическими маневрами (знаменитый план Шлиффена 1905 года). Такие непредвзятые и широкие интерпретации принципов Клаузевица придают им непреходящее значение, независимо от того, насколько современные условия отличаются от условий времен Наполеона и Клаузевица. В 1937 году германский военный министр и главнокомандующий, генерал-фельдмаршал фон Бломберг, написал: «Несмотря на изменения военной организации и техники, книга Клаузевица «О войне» остается на все времена базисом для любого значительного развития военного искусства».

Очень важен и типичен постоянный акцент, который делает Клаузевиц на моральной стороне ведения войны. Его язык, язык человека, писавшего также романтические стихи, может для современного читателя иногда звучать странно. Но его совет: «Будь смел и хитер в своих планах, тверд и сдержан в их исполнении, решителен в нахождении достойного конца» никогда не потеряет своего значения.

Ганс фон Гатцке

Кембридж, Массачусетс

Из книги «О ВОЙНЕ»

Глава 1 О ПРИРОДЕ ВОЙНЫ

Военный гений

Каждое дело, если хочешь добиться успеха, требует особой квалификации и соответствующего духовного настроения. Когда эти качества достигают высшего порядка и проявляются в необыкновенных достижениях, человека, которому они принадлежат, называют гением.

Мы прекрасно знаем, что это слово по широте смысла и по его толкованию применяется во многих значениях. Но, поскольку мы не выдаем себя ни за философа, ни за филолога, позволим себе придерживаться значения, используемого в обыденном языке, и понимать под словом «гений» чрезвычайно высокие духовные способности к какому-либо роду деятельности.

Чтобы более полно раскрыть значение этого понятия и его содержание, необходимо кратко остановиться на этой способности, на этом высоком качестве души. Нам придется

рассмотреть каждую из общих склонностей ума и души к военному делу, которые, собранные в одно целое, и представляют собой *суть военного гения*. Мы говорим «общую», потому что в том и заключается военный гений, что это не единственное качество, как, например, мужество, при отсутствии других умственных и духовных способностей или если все эти качества имеют направление, не пригодное для войны. Гений – это *гармоничное сочетание способностей*, в котором та или другая может преобладать, но ни одна не противодействует другой.

Чем менее развито общество, тем большую важность для него приобретает военная деятельность и поэтому, казалось бы, тем больше там должно было бы появляться военных гениев. Но это относится только к их числу, и никоим образом не к их степени, потому что уровень гениальности зависит от общего состояния и интеллектуальной культуры страны. Если взглянуть на дикие, воинственные народы, можно обнаружить, что воинственный дух там распространен больше, чем у цивилизованных народов. Но у нецивилизованных народов мы никогда не найдем по-настоящему великого генерала и очень редко то, что смело можно назвать военной гениальностью, потому что это требует развития умственных способностей, которого не встретишь у нецивилизованных народов. Само собой разумеется, цивилизованные народы тоже могут иметь тенденцию к воинственности; и чем больше она распространена, тем выше воинственный дух воинов

их армий. Чем выше степень цивилизации наций, тем чаще они совершают самые блестящие военные подвиги, примером чему были римляне и французы. Величайшие имена этих и всех других наций, прославившиеся в войнах, принадлежат только эпохам, обладавшим более высокой культурой.

Отсюда можно сделать заключение, насколько велика доля умственных способностей в военном гении, особенно в его высшем проявлении. Теперь рассмотрим это более подробно.

Война есть область реальной опасности, поэтому самым главным качеством военного является мужество.

Мужество бывает двух видов: первое – физическое мужество, или мужество перед лицом опасности; и второе – моральное, нравственное мужество, то есть мужество перед лицом ответственности перед внешней властью, или внутренней – совестью. Здесь речь идет только о первом.

Мужество перед лицом опасности тоже бывает двух видов. Первое – это безразличие к опасности, являющееся или природным свойством человека, или презрением к смерти, или привычкой; в любом из этих случаев оно будет постоянным качеством человека.

Во-вторых, мужество может быть вызвано такими мотивами, как личная гордость, патриотизм, энтузиазм. В этом случае мужество – это не столько нормальное состояние, сколько порыв, проявление настроения.

Полагаем, эти два вида проявляются различно. Первое более надежно, потому что стало второй натурой; второе часто дает большие результаты. В первом случае больше твердости, во втором – отваги. Первое оставляет разум трезвым, второе иногда воодушевляет, но часто и ослепляет. В сочетании они составляют самый совершенный тип мужества.

Война есть область физического напряжения и страдания. Она требует определенной силы тела и духа, делающей человека способным переносить все тяготы войны. Обладая этими качествами, ведомый простым и здравым разумом, человек сразу же становится настоящим орудием войны. Если в требованиях, которые война предъявляет к своим приверженцам, мы пойдем дальше, то сочтем преобладающими умственные способности.

Война является областью неопределенности; три четверти того, на чем должен производиться расчет всех военных действий, спрятано в облаках великой неопределенности. Вот здесь-то и нужен тонкий и пронизательный ум.

Средний интеллект может иногда случайно дойти до истины; с другой стороны, отсутствие здравого смысла может компенсировать необыкновенное мужество; но в большинстве случаев недостаток ума всегда скажется на общем уровне успехов.

Война есть область риска. Ни в одной сфере человеческой деятельности не остается столько места для этого незваного гостя. Он увеличивает неопределенность каждого обсто-

ательства и нарушает ход событий.

Из-за неуверенности во всех сведениях и предположениях на театре военных действий все оказывается не так, как думалось; а это не может не оказывать влияния на наши планы. Если это влияние настолько велико, что сводит на нет весь predetermined plan, тогда, как правило, ему на смену приходит другой. Но в данный момент для замены плана нет необходимых данных, а обстоятельства требуют немедленного решения, не оставляя времени на поиски свежих данных, зачастую недостаточных для зрелого вывода.

Но чаще случается так, что изменение одной предпосылки или сведений о случайных событиях не разрушает наши планы, а лишь рождает неуверенность. Причина этого заключается в том, что опыт приобретается не сразу, а постепенно, когда наши знания беспрестанно обогащаются новым опытом; и здесь ум, если мы можем употребить это выражение, всегда должен быть «на вооружении».

Чтобы благополучно преодолеть вечные конфликты с неожиданным, не обойтись без двух качеств: во-первых, интеллекта, который даже среди этой густой неясности не теряет некоторых следов света, и, во-вторых, мужества, чтобы следовать за этим слабым светом. Первое свойство образно обозначается французским выражением «*coup d'oeil*»⁵, второе – решимость. Поскольку бой – это особенность войны, а время и пространство являются ее важными элементами,

⁵ Проницательность, интуиция. (Примеч. пер.)

идея быстрого и правильного решения связана с оценкой этих двух элементов, и, чтобы обозначить идею, было выбрано выражение «coup d'oeil», фактически лишь обозначающее правильный глазомер. В те времена, когда решительные действия конницы на полях сражения играли главную роль, в понятии о быстром и находчивом решении на первый план выдвигалась правильная оценка времени и пространства; отсюда и пошло это выражение, подчеркивающее лишь правильный глазомер. Однако вскоре под ним стали подразумевать все удачные решения, принятые в момент, когда надо действовать, например правильный выбор пункта атаки и пр. Поэтому под выражением «coup d'oeil» подразумевается не просто физический глаз, но духовное око. Естественно, это выражение более уместно в области тактики; однако без него нельзя обойтись и в стратегии, где тоже нужны быстрые решения.

В каждом отдельном случае решимость – это акт мужества, но если это становится характерной чертой человека – это уже привычка. Но здесь речь идет не о мужестве перед лицом физической опасности, а о мужестве перед лицом ответственности.

Мы называем решимостью способность в обстановке действий при недостаточных данных устранять муки сомнения и опасностей колебаний. Когда у человека есть *достаточные данные*, объективные или субъективные, истинные или ложные, говорить о его решимости нет никаких оснований.

Итак, решимость, побеждающая все сомнения, может быть вызвана только разумом, причем своеобразной его направленностью. Одно сочетание выдающихся умственных способностей с мужеством еще не составляет решимости. Есть люди, обладающие острейшей проницательностью по отношению к самым сложным проблемам, которые не боятся ответственности и все же в трудных ситуациях не могут принять решения. Предвестником решения является умственная работа, в результате которой осознается необходимость риска. Именно это довольно необыкновенное направление ума, которое побеждает в человеке любой другой страх страхом перед колебаниями и медлительностью, и есть то, что вырабатывает в сильных характерах решимость; следовательно, по нашему мнению, люди с ограниченным умом никогда не могут быть решительными. Если кому-то наше утверждение покажется необыкновенным, потому что он знает много решительных офицеров, которые не являются глубокими мыслителями, мы должны напомнить ему, что речь идет об особой направленности ума, а не о великих мыслительных способностях.

Можно привести множество примеров людей, которые проявляли огромную решительность, занимая невысокий пост, и теряли ее, оказываясь выше, на более ответственной должности. Такие люди видят опасность неправильного решения, но не в состоянии охватить порученное им дело, и их разум теряет первоначальную силу; они становятся тем

более робкими, чем больше осознают опасность охватившей их нерешительности.

От *coup d'oeil* мы естественным образом переходим к разговору о *присутствии духа*, которое на войне играет огромную роль, потому что это не что иное, как победа над неожиданным. Как мы восхищаемся присутствием духа при метком ответе на какую-то неожиданную фразу, так мы восхищаемся им при быстрой реакции на внезапную опасность. Ни ответу, ни реакции не обязательно быть необыкновенными самими по себе, если только они оказываются к месту.

Приписывается ли это благородное качество больше уму человека или его чувствам, зависит от случая. Эффектный, остроумный ответ свидетельствует скорее о развитом уме, а быстрая реакция при внезапной опасности подразумевает более уравновешенный характер.

Если в общих чертах рассмотреть четыре обстоятельства, образующие атмосферу, в которой протекает война, — *опасность, физическое напряжение, неуверенность и риск*, легко понять, что требуется огромная духовная и умственная сила, чтобы среди этой стихии уверенно и успешно продвигаться вперед. Эту силу мы подчас называем *энергией, твердостью, стойкостью, силой духа и характером*. Все эти проявления героической природы можно рассматривать как одну и ту же силу воли, меняющуюся согласно обстоятельствам; но как бы ни близки между собой эти понятия, они все-таки различны по содержанию. Поэтому для нас желательнее более

подробно рассмотреть по крайней мере действие качеств души по отношению к ним.

До тех пор пока солдаты, исполненные мужества, сражаются страстно и воодушевленно, командиру редко представляется повод проявить огромную силу воли при достижении своей цели. Но как только возникнут затруднения, а это всегда случается, когда на кону великие результаты, тогда дело не идет само собой, как хорошо смазанная машина. Теперь сама машина начинает оказывать сопротивление, и, чтобы преодолеть его, командиру потребуются огромная сила воли. Под этим сопротивлением не следует подразумевать неподчинение или ропот; это ощущение полного упадка всех физических и моральных сил солдат, душераздирающее зрелище кровавых жертв. Командиру придется бороться с этими внутри себя, а затем и среди подчиненных, прямо или косвенно сообщающих ему свои впечатления, чувства, тревоги и желания. Когда его дух ослабевает настолько, что командир не может воодушевлять других, массы увлекут такого командира за собой в низменную область животной природы, которая, не ведая стыда, бежит от опасности. Это то время, которое должны преодолеть мужество и умственные способности военачальника, если он хочет прославить свое имя.

Энергия действия отражает силу движущих побуждений, при этом эти побуждения могут быть вызваны как убеждением разума, так и эмоциями духа. Последние необходимы,

если требуется проявление больших усилий.

Твердость означает сопротивление воли силе единичного удара, *стойкость* – сопротивляемость продолжительному натиску. Хотя эти два понятия очень близки и часто одно выражение употребляют вместо другого, все же между ними есть значительная разница, которую невозможно не заметить, поскольку твердость по отношению к одному единичному силовому напору может опираться лишь на силу чувств, а стойкость должна поддерживаться разумом. Ведь стойкость черпает свою силу в планомерности, с которой связана всякая продолжительная деятельность.

Теперь рассмотрим *силу темперамента*, и первый вопрос прозвучит так: что следует под этим понимать?

Ясно, что это не бурное выражение чувств, не восторженные страсти, а способность повиноваться рассудку даже в моменты самого сильного возбуждения, в вихре самых бурных страстей. Это чувство уравнивается не чем иным, как чувством человеческого достоинства, благороднейшей гордостью, глубочайшей душевной потребностью всегда и везде действовать как существо, наделенное интеллектом или разумом.

Под *силой характера* или просто *характером* понимается твердость убеждения; но этот вид твердости, безусловно, не может проявиться, если сами взгляды часто меняются. Очевидно, что о человеке, который часто меняет свои взгляды, какими бы ни были причины этих перемен, нельзя сказать,

что он обладает характером.

На войне под влиянием многочисленных и сильных впечатлений, которым подвергается ум, неуверенности в любых сведениях и знаниях у человека значительно больше возможностей сбиться с пути, ввести себя и других в заблуждение, чем в любой другой области человеческой деятельности.

Здесь человеку зачастую ничто не может помочь, кроме одного руководящего правила, которое, независимо от размышления, может господствовать над ним. Это правило заключается в том, чтобы во всех сомнительных случаях придерживаться первого мнения и отказываться от него только по получении вполне убедительных данных. Нужно твердо верить в справедливость испытанных основных принципов и под ослепительным влиянием мимолетных событий не забывать, что их ценность гораздо ниже. Если во всех сомнительных случаях мы отдадим предпочтение первоначальным установкам и этим засвидетельствуем верность и стойкость, наши действия приобретут устойчивость и постоянство, которые и называются характером.

Сила характера ведет нас к ее уродливой разновидности – упрямству.

Часто очень сложно в конкретных случаях сказать, где кончается одно и начинается другое; но разницу в понятиях определить несложно.

Упрямство – это дефект темперамента. Неподатливость

воли, неприятие противоречий происходят от особого рода самолюбия, для которого высшее удовольствие – властвовать только своим умом над собой и другими. Можно назвать это своего рода тщеславием, но оно все же лучше упрямства. Тщеславие удовлетворяется видимостью, тогда как упрямство зиждется на получаемом удовольствии.

Сила характера переходит в упрямство всякий раз, когда сопротивление чужим взглядам вытекает не из уверенности в своей правоте или следования высшим принципам, а из чувства противоречия. Если это определение фактически мало помогает на практике, оно все же не позволяет нам считать упрямство признаком сильного характера.

Познакомившись с высокими качествами великого военачальника, в которых совместно проявляются дух и разум, перейдем теперь к одной черте военной деятельности, которую, вероятно, можно считать самой яркой, если не самой важной. Она не зависит от духовных сил, а лишь от умственных способностей. Это связь, существующая между войной и местностью или территорией.

Эта связь, во-первых, является неизменным условием войны, потому что невозможно представить действия сформированной армии, совершаемые вне определенного пространства; во-вторых, она необычайно важна потому, что накладывает отпечаток на действия всех сил, а порой совершенно их изменяет; в-третьих, эта связь то упирается в детали особенности данного участка, то охватывает широ-

чайшие пространства.

Военачальник вынужден приспособить свою деятельность к пространству, на котором ему предстоит действовать и которое при самом большом усердии он не может ни осмотреть, ни исследовать. Постоянная смена событий редко позволяет детально ознакомиться с этим пространством. Конечно, противник обычно находится в таком же положении; и все же трудности, хотя и общие для обоих, не перестают быть трудностями, и тот, кто с помощью своего таланта и опыта их преодолевает, получит огромное преимущество.

Эти совершенно необычные трудности должны быть преодолены природным свойством ума, которое определяется таким слишком ограниченным термином, как чувство местности (Ortsinn). Это способность быстро и правильно составить геометрическое представление о любой местности и, следовательно, оказаться в нужном месте в нужное время. Это просто работа воображения. Восприятие, несомненно, формируется отчасти при помощи физического зрения, а отчасти при помощи рассудка, отточенных знаниями и опытом, который формирует целое из фрагментов, видимых глазом. Но для того чтобы это целое живо предстало перед сознанием, стало картиной, мысленно начерченной картой, детали которой не распадаются и остаются в памяти надолго, нужна духовная сила, которую можно назвать воображением, фантазией.

Естественно, масштаб проявления этого таланта увели-

чивается вместе с рангом. Если гусар или стрелок, командир патруля, ведя свой дозор, обязан хорошо знать все дороги и тропинки и для этого достаточно лишь ограниченных умственных способностей, то командующий армией должен быть знаком с основными географическими особенностями провинции и даже страны. Он должен всегда живо представлять себе направления дорог, течение рек, расположение горных хребтов и, кроме того, обладать способностью детально понимать подробности местности, то есть обладать чувством местности. Несомненно, ему очень помогает самая различная информация: сами объекты, карты, книги, мемуары, а также деятельность штаба. Но все же, безусловно, если он сам обладает талантом быстро и четко формировать идеальный образ местности, это помогает ему действовать легче и тверже, спасает от некоторой внутренней беспомощности и делает менее зависимым от других.

Кажется, мы рассмотрели все проявления умственных и духовных сил, которых требует от человека военная деятельность. Разум везде выступает как основная сила; и поэтому понятно, что военная деятельность, казалось бы, такая простая на первый взгляд, никогда не может успешно осуществляться людьми, лишенными выдающихся умственных способностей.

Опасность и напряжение сил во время войны

До тех пор пока мы сами не узнаем, что такое настоящая опасность, у нас складывается о ней скорее привлекательное, нежели отталкивающее представление. В опьянении энтузиазмом броситься на врага – кто будет здесь обращать внимание на свист пуль и падающих людей? Зажмурив на мгновение глаза, броситься навстречу смерти, не зная наверняка, предназначена она тебе или другим, и все это на самом пороге золотых ворот победы, у этого спелого плода, которого так жаждет наше тщеславие – может ли это быть трудным? Конечно, не трудно, но и не так легко, как может показаться. Таких мгновений на войне будет мало, а вот опасность дело не мгновенное, как кажется многим, и ее придется испытывать длительное время понемногу, как принимать горькую микстуру, прописанную доктором.

Молодой солдат, впервые попавший в бой, не минует опасностей всех уровней, не поняв, что мысль здесь пробуждают совсем другие силы и свет разума не распространяется здесь так, как при обычной умственной деятельности. Нужно быть совершенно необыкновенным человеком, чтобы под влиянием впечатлений, полученных в первый раз, не потерять способности принимать мгновенные решения. Правда, привычка вскоре притупляет острые впечатления; через пол-

часа мы становимся более или менее безразличными ко всему, что происходит вокруг нас. Но обычный человек никогда не может прийти до полного спокойствия и естественной гибкости ума; и поэтому мы понимаем, что здесь недостаточно обычных качеств, и чем шире круг действий, тем выше требования. Нужны восторженная, стоическая, прирожденная храбрость, огромное честолюбие или также старая привычка к опасности и еще многое, чтобы в такой обстановке добиться результата не ниже нормы, которая в тиши кабинета кажется совершенно обыкновенной.

На войне существует много явлений, которые не поддаются нормированию, среди них можно особо отметить физическое напряжение. Способность к физическому напряжению, если она не растрачена заранее, обуславливает проявление всех сил человека, и никто не может точно сказать, до какой степени она может прийти. Как более сильный стрелок туже натягивает тетиву лука, так и на войне более сильному духом удастся добиться от своих войск большего напряжения сил, которое можно разделить на два вида. Один, когда после страшного поражения армия, попавшая в катастрофическую ситуацию, распадается на части, как стена, которую сносят, с величайшим напряжением физических сил ищет спасения; и другой, когда полководец ведет свою гордую победоносную армию. Степень напряжения, которая в первом случае вызывает только сострадание и жалость, в другом – вызывает восхищение, потому что добиться ее гораздо труднее.

Мы коснулись здесь физического напряжения в основном потому, что, как и опасность, оно является одной из основных причин возникновения препятствий, помех и осложнений, и потому, что его неопределенная величина приближает его к природе эластичных тел, сопротивление которых, как хорошо известно, трудно поддается исчислению.

Особое внутреннее чувство, которым наделила нас природа, предостерегает нас против злоупотребления ссылками на опасности и напряжение на войне. Подобно тому как человек ничего не выиграет, когда, подвергшись оскорблениям или плохому обращению, будет ссылаться на свою слабость. Напротив, он выставит себя в лучшем свете, сославшись на нее после того, как ему удастся восторжествовать над обидчиком или блестяще отомстить ему. Так и ни один полководец, ни одна армия, ссылаясь на опасности, тяготы и напряжение, не исправят впечатления от позорного поражения, но те же трудности усилят блеск одержанной победы. Таким образом, наше сознание, которое, в конце концов, есть всего лишь высший род суждения, не позволяет нам проявить снисходительность к побежденному, к которой склонен наш рассудок.

Информация во время войны

Словом «информация» мы обозначаем всю совокупность знаний, имеющихся у нас о противнике и о его стране, они

являются фактически основой всех наших планов и действий. Достаточно лишь вникнуть в природу этой основы, в ее недостоверность и изменчивость, чтобы почувствовать, как ненадежно основанное на ней построение планов войны, как легко все может развалиться и похоронить нас под своими обломками.

Огромная часть информации, получаемая на войне, противоречива, еще большая часть ложна и гораздо большая часть сомнительна. От командира требуется некоторое умение различать информацию, что может дать только знание людей и жизненный опыт. При оценке различных сведений командир должен руководствоваться их вероятностью. Большие затруднения возникают уже при составлении планов войны в кабинете, вне реальных условий театра военных действий. В обстановке же боевых действий такие затруднения возрастают еще больше, когда одно сообщение следует за другим. Хорошо, если в этих сообщениях, противоречащих друг другу, существует явное несоответствие, вызывающее критическое отношение к ним, что тем самым дает нам чувство безопасности. Для неопытного человека гораздо хуже, когда случай отказывает ему в этой услуге: одно сообщение подтверждает и преувеличивает другое, раскрашивая общую картину новыми красками. Наконец, необходимость заставляет нас в спешном порядке принять решение, которое вскоре окажется глупым, а все эти сообщения ложными, преувеличенными, ошибочными и т. д.

Как правило, люди больше склонны верить в плохое, чем в хорошее, и в некоторой мере преувеличивать плохое. Твердо уверенный в превосходстве своих внутренних знаний, полководец должен стоять, как скала, о которую в бессильной ярости бьются волны сомнений. Эта роль нелегка. Впечатление чувств сильнее представления разумного расчета, и оно заходит настолько далеко, что ни одно важное начинание никогда не претворяется в жизнь без того, чтобы полководец, приступая к делу, не засомневался в себе. Твердая уверенность в себе придает ему стойкость против кажущегося давления момента; это первоначальное убеждение в конце концов подтвердится ходом дальнейших событий, когда кулисы, выдвинутые судьбой на авансцену войны, с их размалеванными образами различных опасностей, отодвинутся в сторону, и горизонт расширится. Это одна из великих пропастей, разделяющих *составление плана от его исполнения*.

Препятствия и помехи на войне

Пока человек лично не узнает, что такое война, он не поймет, в чем заключаются трудности, о которых так много говорят, и что такое на самом деле военный гений и необыкновенные умственные способности, требуемые от полководца. Все представляется простым: все необходимые знания – ясными, все комбинации – несущественными; по сравнению с ними легчайшая задача высшей математики производит бо-

лее значительное впечатление своим научным величием. Но если человек видел войну, все становится понятно.

На войне все очень просто, но эта простота представляет трудности. Эти трудности накапливаются и становятся причиной помех, которые человек, не видевший войну, не может себе вообразить. Представим себе путешественника, который надеется к вечеру завершить два этапа своего путешествия; четыре или пять лье (1 лье старинное – 4,444 км; почтовое – 3,89808 км, есть и другие. – *Ред.*) на почтовых лошадях по шоссе – пустыки. Он приезжает на предпоследнюю станцию, а там или очень плохие лошади, или их нет вообще; а дальше гористая, разбитая дорога и наступает ночь. Он счастлив, когда, после стольких трудностей, прибывает на следующую станцию и находит там хоть какой-то ночлег. Так и на войне, из-за бесчисленного множества мелочей, которые невозможно должным образом описать на бумаге, обстоятельства складываются не так, как планировалось, и человек далеко отстает от намеченной цели. Целеустремленность и твердость преодолевают эти помехи; военачальник преодолевает препятствия, но, безусловно, в процессе этого страдает и сам (как и военная машина – совокупность сил и средств под началом полководца. – *Ред.*).

Препятствия и помехи – это то, что в общих чертах отличает настоящую войну от войны бумажной. Военная машина, армия и все к ней относящееся на самом деле просты, и поэтому кажется, что ими легко управлять. Но вспом-

ним, что ни одна ее часть не сделана из одного куска, что она состоит из индивидуальностей, каждая из которых испытывает свои помехи. Опасности и физическое напряжение, неизбежные на войне, увеличивают это зло настолько, что их нужно рассматривать как важнейший его источник.

Эти ужасные помехи везде вступают в контакт со случайностью и вызывают явления, которые невозможно предугадать. Подобной случайностью может оказаться, например, погода. В одном месте туман не позволил вовремя обнаружить противника, помешал открыть огонь батарее, доставить донесение генералу. В другом – дождь помешал батальону подоспеть в срок, потому что вместо трех часов ему пришлось шагать восемь. В третьем – он помешал атаке кавалерии, потому что она увязла в размокшем глинистом грунте.

Деятельность на войне подобна движению в сопротивляющейся среде. Как человек, погруженный в воду, не может легко и правильно выполнять самые естественные и простые движения, например ходить, так и на войне человеку с обыкновенными способностями невозможно даже выйти за рамки посредственности.

Знание этих возможных препятствий и помех – основная часть военного опыта, о котором так много говорят и которым должен обладать хороший полководец. Разумеется, полководец, придающий возможным сложностям исключительное значение и испытывающий к ним благоговение, не будет

лучшим. Но он должен знать о них и уметь их преодолевать там, где это возможно, а также не ждать точности действий там, где она невозможна именно из-за этих помех.

Так что же, нет средств снизить издержки от возникших трудностей? Только одно, и оно не всегда доступно командующему армией. Это – привычка армии к войне.

Привычка приучает тело к огромным напряжениям, душу – к опасности, рассудок – к осторожности против первых впечатлений.

Подобно тому как человеческий глаз, в темноте расширяя зрачки, использует слабый свет, имеющийся в помещении, и начинает постепенно различать предметы, а в конце концов хорошо разбираться в них, так и опытный солдат может ориентироваться на войне, в то время как перед неопытным новобранцем расстилается лишь крошечная ночная тьма.

Ни один полководец не может сразу дать армии привычку к войне, а маневры (мирные упражнения) являются лишь слабой ее заменой, слабой по сравнению с настоящими военными испытаниями, но не такой уж слабой по сравнению с другими войсками, где подготовка сводится лишь к заурядным механическим упражнениям. Организация в мирное время таких упражнений, которые дают понятие хотя бы о части возможных на войне препятствий, помех и осложнений, развивает в отдельных командирах способность к суждению, осмотрительность и даже решимость гораздо существеннее, чем полагают те, кто не знает это по собственному

опыту. Очень важно, чтобы военному, в каком бы чине он ни был, не пришлось столкнуться на войне с теми трудностями, которые, увиденные впервые, потрясают и приводят в недоумение.

Если же он прежде сталкивался с подобным хотя бы раз, он уже наполовину знаком с ними. Это относится даже к физической усталости. Для того чтобы к ней привыкнуть, надо тренировать ум не меньше, чем тело. На войне молодой солдат склонен считать требуемое от него напряжение сил следствием ошибок и затруднений руководства и впадать из-за этого в уныние. Этого не случится, если он готов к этому заранее благодаря тренировкам в мирное время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.